

— М-м... — боясь привлечь внимание русала снаружи, Морис сдерживал рвущиеся из груди звуки. Он лишь прерывисто, тихо всхлипывал, крепко зажмурившись. Красивые брови сошлись у переносицы: лавина неистового наслаждения, столь похожего на сладкую муку, становилась невыносимой.

Его горячая кожа покрылась пунцовым румянцем. Каждое движение вверх, за которым следовало робкое, но полное отчаянной жажды падение вниз, отзывалось ошеломляющей волной удовольствия. Этот натиск заставлял Мориса содрогаться всем телом, и сквозь плотно сжатые губы то и дело прорывались томные, страстные вздохи.

Хань Цзин крепко прижал к себе мужчину, безвозвратно тонущего в пучине страсти. Изначально он вовсе не собирался поддаваться искушению, желая лишь помочь Морису освободиться от дурманящего влияния Атлантиды. Но теперь, когда близость достигла предела, самообладание изменило и ему. Дыхание сбилось, стало прерывистым, а ладони, бережно обнимавшие талию Мориса, требовательно потянули его на себя, увлекая в стремительный, безудержный ритм.

— Ах... Хань Цзин... — Морис слабо забился в его руках.

Внутренние мышцы сжались до предела, когда партнёр без предупреждения перешёл к глубоким, мощным толчкам. Движения их тел слились в идеальном созвучии; каждый выпад задевал самые чувствительные точки. Не в силах совладать с лавиной ощущений, Морис неистово подавался навстречу, а в его глазах, похожих на чистейшие сапфиры, вскипела влажная дымка слёз.

Видя, как отчаянно мечется Морис, Хань Цзин бережно придерживал его, понимая, что тот вот-вот достигнет пика. Да и сам он был уже на грани. Тело Мориса действительно было совершенным — безупречным, точь-в-точь как говорил Марко. Сколько бы ночей они ни проводили вместе, лоно партнёра каждый раз принимало его с первозданной, сводящей с ума теснотой, даря то же невероятное упоение, что и в самый первый раз.

— Потерпи ещё немного...

— Доверься мне... Морис...

Хань Цзин шумно дышал. Его поцелуй, прежде ласковый, под гнётом страсти стал горячим и властным, заставив умолкнуть дрожащие губы. Тело Мориса свело сильной судорогой наслаждения, сладостный крик захлебнулся в этом глубоком поцелуе.

Сплетённые в тесных объятиях, словно двутелое божество Яб-Юм, они скользили кожей о кожу, переплетя пальцы. В бушующем океане чувств рождалось невыразимое, почти священное ощущение единства — будто их души и тела навсегда сплелись в одно целое.

На следующее утро Морис проснулся точно по часам — от привычного приступа тошноты. Едва удерживая позывы, он приподнялся, собираясь поспешить в ванную, как вдруг почувствовал сзади движение.

— Не вставай босиком, простудишься.

Хань Цзин мгновенно соскользнул с постели. Перехватив бледную ступню, показавшуюся из-под одеяла, он аккуратно обул её в домашние туфли.

Глядя на склонившегося перед ним мужчину, Морис хотел было возразить, но приятное тепло, разлившееся по ногам, заставило его смолкнуть и невольно покориться этой заботе.

— Я не настолько хрустальный, — негромко бросил Морис, но тут же вновь прижал ладонь к губам и, мертвенно-бледный, поспешил прочь от кровати.

Его вывернуло. Как обычно, желудок сводило мучительным спазмом, но наружу выходила лишь горькая желчь. И всё же сегодня приступ прошёл легче. Из-за него? Хань Цзин действительно стоял рядом, мягкими, размеренными движениями поглаживая его по спине, помогая восстановить дыхание.

Когда спазмы наконец утихли, Морис поднял голову. На лице Хань Цзина застыло неподдельное беспокойство.

— Ну как? Легче? — Хань Цзин бережно, но крепко приобнял его за плечи, стараясь стать надёжной опорой.

Вид этих мучений по-настоящему пугал его. Он владел лишь самыми общими знаниями о беременности: обычно токсикоз донимает в первом триместре. Но Морис был уже на пятом месяце — почему же его до сих пор так выворачивает наизнанку? Или у мужчин этот процесс протекает иначе?

— Стоит всему выйти — и проходит, — заметив его тревогу, Морис мягко перехватил ладонь Хань Цзина, переместив её со своей талии на уже заметно округлившийся живот. — Думаю, сильный токсикоз — это добрый знак. Значит, малышка развивается как надо. Пусть уж лучше капризничает, мне так спокойнее.

— Боюсь только, ты сам не выдержишь такой нагрузки, — Хань Цзин с нежностью провёл пальцами по его осунувшемуся лицу, чувствуя укол вины.

— И пообещай, что больше ничего не станешь от меня скрывать, Морис, — Хань Цзин мягко приподнял его подбородок, и в его голосе прозвучала непреклонная решимость.

Морис слегка опешил, но не отстранился, безмолвно отвечая на нежный утренний поцелуй.

Из-за утреннего недомогания они поднялись на рассвете. Когда мужчины закончили одеваться, две круглые, серебристые луны застыли у противоположных краёв горизонта, словно безмолвные стражи уходящей ночи, ещё не успевшие растаять в предрассветных сумерках.

Морис бросил взгляд в окно. Небо заволочла блёклая золотистая дымка; в Святилище рассветное солнце всегда светило приглушённо.

— Прошлая ночь была лишь исключением. Впредь возвращайся к себе, — Морис обернулся к спутнику. — Не переживай, я справлюсь. Нам нельзя давать Фрейру новые поводы для подозрений.

— Моя обязанность — помогать тебе по утрам. Это долг личного слуги, — с улыбкой возразил Хань Цзин.

В длинных коридорах царил безмолвие. Лишь в правом зале, за стеклом огромного резервуара, лениво шевелил серебристым хвостом прекрасный русал, рассыпая в прозрачной воде мириады чистых, хрустальных бликов.

— И что нам делать с этим существом? Так и оставим его здесь?

— Долго я скрывать беременность не смогу. От силы пару недель, — Морис нахмурился, невольно коснувшись заметно раздавшейся талии.

На поздних сроках ребёнок рос стремительно: за последние две недели живот округлился настолько, что свободная одежда едва спасала положение.

Он подошёл ближе к стеклу резервуара и холодным, отсутствующим взором окинул диковинного пленника, чья жизнь всё ещё висела на волоске.

— В крайнем случае... придётся отдать его Фрейру или другим божественным посланникам. У нас практически нет шансов попасть на планету Камера.

— Этот русал — досадная случайность. Мы не можем рисковать всем ради спасения чужака.

Пленник словно уловил смысл их слов. Он подплыл к самому стеклу, прижавшись к нему бледным лицом. Сквозь прозрачную преграду до ушей Хань Цзина донёлся тихий, певучий шёпот на неведомом языке:

— Дзета... эта... тета... йота... каппа... лямбда...

— Дзета... эта... тета... йота... каппа... лямбда...

— Дзета... эта... тета... йота... каппа... лямбда...

Его голос струился, словно чистейший горный ручей, проникая в самое сердце. Невероятно: прекрасный русал заговорил! Это был первый раз, когда он издал звук после нападения.

— Я знаю, ты понимаешь меня. Пожалуйста, спаси... Возьми меня с собой, — русал уставился на Мориса умоляющим взглядом бездонных фиолетовых глаз, полных неизбывной тоски.

Пока Хань Цзин стоял, поражённый услышанным, Морис лишь нахмурился, бесстрастно глядя в эти прекрасные глаза.

— Для нас ты всего лишь представитель чужого вида...

— Но я пытался спасти вас! Помнишь, на планете Камера... Я ведь предупреждал вас об опасности. У меня не было злых намерений, иначе ты не вытащил бы меня из рук тех палачей.

Это создание обладало недюжинным интеллектом и безошибочно било в самую суть. Очнувшись после нападения, Морис долго восстанавливал в памяти подробности крушения и вспомнил загадочное предостережение, которое это существо адресовало членам экспедиции миссии SG-I. Именно поэтому он решился укрыть раненого пленника.

— Мне жаль, но у нас нет возможности вернуться на планету Камера, как нет и способа переправить этот тяжеленный резервуар на планету Uіws. Тебе придётся набраться терпения и переждать здесь несколько дней, — Морис оставался безразличным к мольбам.

Поняв, что они собираются уйти, русал в отчаянии прижал ладони к стеклу.

— Я могу сбросить хвост и ходить по земле точно так же, как вы!

— Неужели творения нашего общего демиурга, великого Альтерана... Неужели этот новый вид, изнеженный, возвращённый в неге и заботе, столь бездушен?!

Морис наконец остановился, ошеломленно обернулся, уставившись на несравненно прекрасного русала, не в силах поверить.

— Ты действительно знаешь об Альтеране! — брови русала дрогнули, а в бездонных фиолетовых глазах отразилась вековая печаль ушедших эпох. — Значит, слухи верны? Вы прибыли из той легендарной обители, куда ушли наши созидатели? Из далёких краёв, покинутых Альтеранами?

— Что тебе известно об Альтеранах? — Морис силился сохранить ледяное спокойствие, скрывая за внешней безучастностью бурю, бушевавшую в душе.

— Да, Альтераны — наши создатели. Хотя сами они предпочитали называть себя Творцами, — тихо отозвалось существо, мягко взмахнув серебристым хвостом. В его голосе зазвучала глубокая, неизбывная тоска.

— Альтераны вели нас за собой, поддерживали во всём. Пусть мы и были лишь их творением, нам даровали высший разум, позволивший построить собственную цивилизацию планеты Камера. Нам завещали не ведать робости: наши души были равны душам прародителей. Творцы верили, что в один прекрасный день цивилизация Камеры сможет встать вровень со своими великими создателями, перестав взирать на них со смиренным трепетом.

— Этому учили нас Творцы. Но миллионы лет назад разразилась великая катастрофа, поглотившая наши города, уничтожившая всё, чем был славен наш Мир Сириуса...

От этих воспоминаний из его глаз покатались слёзы. Прокладывая дорожки по фарфоровой коже, прозрачные капли падали в тёмно-синюю жидкость Аноид, мгновенно застывая на дне драгоценными жемчужинами.

— Мир Сириуса?

— Ныне зовущийся Миром Идо. Всё, что было создано Альтеранами, стёрто из анналов истории безжалостной волей Руны.

— Но если Руна уничтожил все следы, откуда тебе знать о событиях столь далёкого прошлого? — резонно возразил Морис.

Откровения этого создания звучали невероятно, однако они вступали в противоречие с его собственным опытом. В недавнем сновидении серебряноволосый атлант с золотыми глазами держался вызывающе гордо, выказывая лишь высокомерное пренебрежение ко всему сущему.

Русал печально усмехнулся:

— Память нашего рода передаётся по наследству. Мы — раса, проклятая Руной... Когда-то я, как и мои сородичи, был лишён ясного сознания, влача бездумное существование. Но случай изменил всё. Оказавшись на грани гибели, я попал в сети чужаков, чей корабль вскоре угодил в эпицентр жестокого космического сражения. Там меня спасли представители Элохим — величайшей цивилизации, чьё величие затмевает даже обитателей Планеты Нордик.

— Элохим?! — Морис не мог постичь масштабов могущества этой цивилизации.

В памяти всплыли рассказы Хань Цзина о вымершей расе Ларга — некогда сильнейших обитателях Мира Террант, фаворитах Руны, которых тот впоследствии безжалостно уничтожил собственной рукой.

— Сила Элохим безгранична, их достижения превосходят даже расцвет золотого века Камеры. Они воздвигли циклопические летающие мегаполисы величиной с малые планеты, дрейфующие в ледяной пустоте космоса.

— Думаешь, обладая столь сокрушительным могуществом, они могли бы протянуть руку помощи нашей многострадальной родине?

Морис с сочувствием посмотрел на прекрасное лицо, искажённое горькой усмешкой.

— Да. Полагаю, они достигли вершины технологического развития?

— Когда они взломали оковы в моей ДНК и вернули мне родовую память, я, ведомый глупой надеждой, умолял их о спасении. Но в ответ услышал страшное: их вечное странствие сквозь звёзды — не что иное, как отчаянная попытка скрыться от всевидящего ока Руны!

— В глазах Руны эти титаны космоса — не более чем жалкие насекомые, не заслуживающие даже звания дикарей!

— Вот она, пропасть между уровнями развития и контролем над пространственными измерениями, — русал, стремясь завоевать доверие Мориса, продолжал раскрывать древние тайны.

— Элохим объяснили мне, что кремниевая жизнь и плоть кажутся полярными лишь на первый взгляд. На деле же они едины. Металлическая оболочка боевого робота функционирует подобно живому организму, где каждая микросхема, словно клетка, подчинена строгому алгоритму. И великие галактики устроены точно так же: цивилизации, звёздные системы, отдельные существа — все они движутся по единому космическому предначертанию.

— Робототехника, зарождение жизни, мириады цветущих миров... Нам эти вещи кажутся бесконечно далёкими друг от друга. Но наша цивилизация Камеры едва освоила четвёртое измерение, а предел Элохим — шестое. Для тех же, кто повелевает девятым измерением, между бездушной машиной, живым существом и целой звёздной системой нет никакой разницы. Они смотрят на мироздание сверху вниз, и все наши законы физики рушатся перед их величием.

— Так что даже Элохим, несмотря на всё своё величие, для Руны — лишь ничтожная букашка, которую можно раздавить мимоходом.

Морис молчал, раздавленный услышанным. Огромный пласт запретных знаний лавиной обрушился на него, рождая хаос в мыслях. Лишь одно предчувствие ледяной иглой вонзилось в сознание: если откровения сирены правдивы, то космическая миссия землян SG-I совершила фатальную ошибку, вторгнувшись во владения Руны. Этот владыка не знал милосердия. Человечество, само того не ведая, могло навлечь на себя ужасную катастрофу.

При взгляде на измученного пленника Мориса пробрал леденящий страх.

Чёрные волосы пленника шёлковым водопадом струились по его плечам, подчёркивая мертвенную бледность фарфоровой кожи. Он замер, едва заметно покачивая серебряным хвостом в ожидании ответа.

— Когда-то мы были любимцами Творцов. Родовая память хранит воспоминания о том, как Альтераны восхищались нашей красотой, находя в ней отражение собственного божественного лика... Но затем они оставили нас, уйдя в такие далёкие края, куда не дотянулся даже взор Руны.

— Руна — представитель иной сверхразвитой расы? — спросил наконец Морис.

— Не знаю. Возможно. Образ Руны в моей памяти размыт, как и воспоминания о катастрофе планетарного масштаба, случившейся миллионы лет назад... Но отзвуки того ужаса до сих пор заставляют моё сердце сжиматься от невыносимой боли.

— Мне известно лишь, что наши Творцы собирались дать жизнь новому виду в бескрайней дали космоса. Тому, кто расцветёт под их присмотром нежным цветком в защищённой от бурь оранжерее, не зная горя и согретый родительской любовью.

— И этот вид — вы... Элохим рассказывали, что Руна уничтожил почти все однополюсные цивилизации. В подвластном ему Мире Идо обитают исключительно двупольные существа. Однако твой спутник... он ведь представитель однополюсного вида? И, кажется, он тебе бесконечно дорог?

— Ты умеешь читать мысли?! — напрягся Морис, вмиг ошетинившись.

— Нет, я просто слышал ваш ночной разговор... — русал грустно улыбнулся, опустив взгляд. — Я просто завидую вам. Вы — баловни судьбы, согретые любовью Творцов.

Морис нахмурился, и его голос сделался холодным:

— Мы вовсе не баловни судьбы. Пусть наш вид и стал последним детищем Альтеранов, сама Атлантида погибла миллионы лет назад — судя по всему, её опустошила безжалостная космическая пандемия. Да, возможно, когда-то нас растили в оранжерее, окружив безграничной заботой Творцов. Они создали для нас подобие Эдемского сада — мир, не знавший холода, голода, страданий и смерти. Но Атлантида пала почти сразу после нашего появления. Великие предки исчезли с лица земли, оставив после себя лишь полузабытые мифы, в реальность которых сегодня мало кто верит.

— Человечество не осталось изнеженным цветком. Мы прошли долгий, полный лишений путь. Мы шли по острым камням, истекая кровью, оставляя за собой багровые следы на страницах

истории, прежде чем построили нынешнюю цивилизацию.

— Наш мир всё ещё заперт в трёхмерном пространстве, и мы лишь робко нащупываем границы четвёртого измерения.

— Этого не может быть! Моя родовая память... Она отчётливо твердит, что Альтераны вернутся! Наши создатели обязательно вернутся на свою прародину, в великий город Альциона-Венера! — не в силах принять жестокую правду, русал сорвался на отчаянный крик.

— Альциона-Венера?! — сердце Мориса пропустило удар. Он мгновенно вспомнил угасающую голограмму и запечатлённый в ней скорбный шёпот последнего атланта:

* «Пусть Альтераны возродятся из пепла великой катастрофы и обретут истинное бессмертие...»*

* «Верю, что настанет день, когда наш народ вернётся на Венеру... В нашу родную гавань, в город Альциона-Венера...»*

— Альциона-Венера... легендарный Город богов, — русал вновь залился слезами. — Способен ли ты осознать масштабы нашего страдания? Из-за древней трагедии Руна заблокировал генетический код жителей Камеры. Из поколения в поколение нас лишали памяти предков, низведя до положения бессловесного скота, предназначенного на убой! Представь мой ужас, когда я очнулся в этом жестоком мире и понял, что остался один? Один против предначертанной нам участи! Знаешь ли ты, каково это — погрузиться на самое дно безысходности, где нет места даже надежде?

— И лишь одна хрупкая нить удерживает меня от падения в эту бездну — вера в великих Альтеранов! Они обещали вернуться в Мир Сириуса... Вернуться домой, в объятия Альционы-Венеры.

<http://bllate.org/book/19677/2006453>